

Джордж Р. Р. Мартин

«The Winds of Winter»

По всему южному берегу мыса Гнева стоят каменные сторожевые башни, построенные еще в старину — следить, чтобы не нагрянули из-за моря дорнийцы. Вокруг башен разрослись деревни, а порой даже и городки.

«Перегрин» причалил в городе Скорбном, куда некогда доставили из Дорна тело Молодого Дракона. На бревенчатых стенах порта все еще висели знамена короля Томмена со львом и оленем, доказывая, что Железный Трон, по крайней мере формально, до сих пор остается за ним.

— Языки не распускать, — предупредила Арианна свою дружину. — До Королевской Гавани не должно дойти, что мы были здесь.

Если мятеж лорда Коннингтона будет подавлен, никому не следует знать, что Дорн присылал ее сюда на переговоры с ним и его претендентом. Еще один урок, который преподавал ей отец: выбирая себе сторонников, думай, могут ли они победить.

Лошадей приобрели без труда, хотя заплатили впятеро больше того, чем они стоили бы в прошлом году.

— Не первой молодости, но крепкие, — заверил лошажник. — Лучше по эту сторону Штормового Предела все равно не найдете: всех лошадей и мулов забрали люди грифона. То же самое и с волами. Одни хоть закорючку на бумаге ставят взамен оплаты, а другие и вовсе грозятся скормить тебе собственные кишки. Ежели напоретесь на таких, не спорьте, сразу отдавайте коней.

В городе было целых три гостиницы, и все они гудели от сплетен. Арианна в каждую послала по человеку. Дейемону Сэнду в «Разбитом щите» сказали, что большой септрий в окрестностях разграблен и сожжен пришельцами с моря, а сто молодых послушниц из женской обители на Девичьем острове уведены в рабство.

Джосс Гуд принес из «Баклана» весть, что полсотни мужчин и парней из Скорбного, в том числе сир Аддам, сын и наследник старого лорда Уайтхеда, ушли на север в Гриффин-Руст к Джону Коннингтону. В «Пьяном дорнийце», где побывал Пернатый, шептались о том, что грифоны предали смерти брата Роннета Рыжего и обесчестили его девицу— сестру. Сам Роннет будто бы выступил на юг, чтобы за них отомстить.

Ночью Арианна послала в Дорн первого ворона с донесением обо всем, что видела и слышала здесь. Наутро, как только первые лучи солнца озарили острые крыши и кривые переулки Скорбного, дорнийцы выехали в Туманный Лес. В пути, среди зеленых полей и маленьких деревушек, их застал легкий дождик. Следов битвы им пока не встречалось, но все путники, кроме них, двигались по дороге в обратную сторону, а женщины в деревнях смотрели настороженно и прижимали к себе детей. Чуть дальше на север поля уступили место холмам и рощам, дорога стала намного уже, а селения попадались все реже.

В сумерках они прибыли на опушку мокрого зеленого леса, где бежали многочисленные ручьи и на земле лежал толстый слой гниющей листвы. Таких громадных ив, что клонились здесь над потоками, Арианна еще не видывала; их корявые стволы с бородами серебристого мха напоминали стариковские лица. Деревья загораживали солнце. Здесь росли лиственницы, красные кедры, белые дубы, высокие как башни гвардейские сосны, исполинские стражи, широколистые клены, краснодре́вы, черведре́вы, а кое-где и чардре́ва. Под сводом их сплетенных ветвей произрастали в изобилии меч-папоротники и женские папоротники, колокольчики, кружевная дудка, вечерние звезды, поцелуйная отрова, печеночник, легочная трава, роголистник. Грибов было множество как под корнями деревьев, так и у них на стволах — бледные ладони, ловящие дождь. Хватало и мхов — серых, зеленых, красных, даже пурпурных. Каждый камень густо оброс лишайником, на буреломе кишели поганки. Самый воздух здесь казался зеленым.

Арианна однажды слышала спор отца и мастера Калеотта с каким-то септоном о том, почему столь различны северный и южный берега Дорнского моря. Септон полагал, что это произошло по вине Дюррана-Богоборца, первого штормового короля, похитившего дочь морского бога и богини ветров и тем навлекшего на себя их вражду. Принц Доран и мастер думали, что причиной тому природные силы: штормы с Летнего моря несут-де влагу на север и разбиваются о мыс Гнева, но Дорн отчего-то не задевают. «Оттого и не задевают, что никто из дорнийцев не похищал дочь двух богов», — заметил на это септон.

Путешествие протекало куда медленнее, чем в Дорне: вместо порядочных дорог приходилось ехать по кривым тропкам через замшелые скалы и глубокие, заросшие ежевикой овраги. Порой тропа пропадала вовсе, упиравшись в болото или папоротники и вынуждая путников искать в чаще другого пути. Дождь все не унимался, с деревьев капало, меж камней звенели маленькие водопады.

Пещеры тоже встречались часто — в одной из них и устроились на ночлег. В Дорне можно ехать и ночью, когда луна серебрит пески, но здесь было слишком много предательских ям и рытвин, стояла непроглядная тьма, а луна оставалась далеким воспоминанием.

Пернатый развел костер и зажарил зайцев, подстреленных сиром Гарибальдом, с диким луком и грибами. После ужина Элия Сэнд, обмотав палку сухим мхом, сделала факел и отправилась в глубину пещеры.

— Не уходи далеко, — сказала ей Арианна, — тут и заблудиться недолго.

Принцесса проиграла в кайвассу Дейемону Сэнду и выиграла у Джосса Гуда. Потом игра ей наскучила; она села у входа в пещеру и стала смотреть на дождь, а ее противники тем временем обучали правилам Джейну Ледибрит.

Ним и Тиена должны уже прийти в Королевскую Гавань — а нет, так скоро придут. Вместе с ними по Костяному Пути, мимо руин Летнего Замка

идут триста отборных дорнских копейщиков. Солоно придется Ланнистерам, если попытаются подкараулить их на Королевском тракте. Добычи врагам не видать в любом случае: принц Тристан благополучно остался в Солнечном Копье после слезного расставания с принцессой Мирцеллой. Один брат в безопасности, но где же Квентин, если с грифонами его нет? Женился ли он на драконьей королеве? Король Квентин... смешно, право. Дейенерис Таргариен моложе Арианны лет так на шесть — на что ей сдался недотепа и книжник Квентин? Молодые девушки грезят о рыцарях с озорными улыбками, а не о принцах, послушных долгу. Однако Дорн королеве Дейенерис пригодится как нельзя более. Без Солнечного Копья на Железный Трон не взойти, и если к Дорну прилагается Квентин, придется взять и его. Что, если это она сейчас в Гриффин-Русте с Коннингтоном, а другой Таргариен — ложный, нарочно пущенный слух? А с ней и брат. Король Квентин. Что ж перед ним теперь, на колени вставать?

Ну, да что зря ломать голову. Либо он стал королем, либо нет. Остается лишь молиться, чтобы Дейенерис поступила с ним милосерднее, чем с собственным братом.

Собравшись уже лечь, чтобы завтра пораньше выехать, Арианна вдруг спохватилась, что Элия Сэнд так и не вернулась из своей вылазки. Ее сестры убьют принцессу семикратно, каждая на свой лад, если с девчонкой что-то случится! Джейна Ледибрит клялась, что из пещеры Элия не выходила — стало быть, до сих пор блуждает там, в глубине. На крики она не откликалась; пришлось зажигать факелы и отправляться на поиски.

Пещера оказалась гораздо глубже, чем они могли думать. Извилистые ходы спускались все ниже от устья, и по бокам от них зияли черные пропасти. Пройдя немного, искатели очутились в огромном известняковом гроте — больше, чем великий чертог в ином замке. Своими криками они вспугнули стаю летучих мышей, но отзывалось им одно только эхо. Из чертога вели еще три коридора — один такой низкий, что по нему пришлось бы на четвереньках ползти.

— Попробуем сперва два других, — решила принцесса. — Мы с Дейемоном пойдем в этот, Гарибальд с Джоссом в тот.

Ход, выбранный Арианной, круто вел вниз. Под ногами мокро, того и гляди оступишься. Она чуть не повернула назад, но удержалась и последовала за сиром Дейемоном — он шел с факелом впереди, продолжая громко звать Элию. Скоро они пришли в другую пещеру, впятеро больше той и с целым лесом колонн.

— Посмотрите, что выбито на колоннах и там, на стене, — сказал Дейемон, высоко подняв факел.

— Лица... — Множество грустных глаз смотрело, казалось, прямо на Арианну.

— Когда-то здесь жили Дети Леса.

— Да... тысячу лет назад. Слышишь? Не Джосс ли это?

Да, это был он. Они с Гарибальдом и нашли Элию, как узнала Арианна, поднявшись с Дейемоном по скользкому коридору в предыдущий чертог. Другой ход вел к черному пруду; девочка стояла в нем по пояс и ловила руками слепых белых рыб, а факел ее дымил, воткнутый в песок рядом.

— Ты могла погибнуть. — Арианна схватила ее за руку и хорошенько потрянула. — Если б факел погас, ты осталась бы одна в темноте, все равно что ослепла бы. О чем ты только думаешь?

— Я поймала двух рыб, — доложила Элия.

— Ты едва не погибла, — повторила Арианна, и эхо подхватило: «Погибла... погибла...»

Когда они вернулись в лагерь, ее гнев немного остыл.

— Так не годится, Элия, — сказала она, отойдя с девочкой в сторону. — Здесь не Дорн, и это не игра, и сестер с тобой нет. Дай слово, что до возвращения в Копье будешь послушна мне, как служанка. И язык придержи. Ни слова больше о турнирах, об отце и о сестрах тем более. Мне предстоит вести переговоры с наемниками. Нынче они служат тому, кто зовет себя Джоном Коннингтоном, завтра легко могут переметнуться к Ланнистерам.

Наемникам нужно одно только золото, а в Бобровом Утесе его не счесть. Узнав, кто ты, тебя могут взять в заложницы...

— Скорей уж тебя возьмут, — перебила Элия. — Ты наследница Дорна, а я всего лишь незаконная дочь. Твой отец отдаст за тебя сундук золота, а моего уже нет в живых.

— Но о нем помнят. — Арианна всю свою жизнь жалела, что принц Оберин — не ее отец. — Ты песчаная змейка: за тебя и твоих сестер принц Доран тоже заплатит любую цену. — Элия улыбнулась на это. — Так что же, дашь клятву или назад тебя отослать?

— Клянусь, — вздохнула Элия.

— Костями отца?

— Костями отца.

Веря, что эту клятву кузина сдержит, Арианна поцеловала ее в щеку и отправила спать.

— Я только теперь поняла, до чего она необузданна, — пожаловалась Дейемону принцесса — худа без добра, как известно, нет. — И зачем только отец навязал ее мне?

— Из мести? — с улыбкой предположил рыцарь.

В Туманный Лес приехали под вечер третьего дня. Джосса Гуда сир Дейемон послал вперед — узнать, кто сейчас держит замок.

— На стенах человек двадцать, а то и больше, — доложил тот по возвращении. — Телеги въезжают нагруженные, выезжают пустые. Стража у каждых ворот.

— А знамена? — спросила Арианна.

— Золотые. И у ворот, и на главной башне.

— Какая на них эмблема?

— Не разглядел. Они обвисли, ветра-то нет.

Досадно. У Золотых Мечей и у дома Баратеонов поле одинаково золотое, только у наемников оно без герба, а у Баратеонов с коронованным оленем Штормового Предела.

— Серебристо-серых знамен не видел?

— Никак нет, только золотые, принцесса.

Арианна кивнула. Туманный Лес — усадьба дома Мертинсов, у которых в гербе рогатая сова, белая на сером. Раз их знамен нет над замком, то слухи скорее всего верны, и Туманный Лес захватили наемники Джона Коннингтона.

— Придется рискнуть, — сказала она. Отцовская предусмотрительность, надо признать, сослужила Дорну хорошую службу, но теперь пришло время дядиной дерзости. — Едем в замок.

— С развернутым знаменем? — спросил Гуд.

— Пока нет. — Принцессой, как правило, представляться полезно, но не всегда.

В полумиле от замка им преградили дорогу вышедшие из леса трое латников в кожаных колетах с заклепками и стальных полушлемах. У двоих были арбалеты, уже заряженные, третий обходился наглой ухмылкой.

— Далеко собрались, красавцы?

— В Туманный Лес, к твоему хозяину, — ответил Деймон Сэнд.

— Ладно, пошли.

Новые хозяева Туманного Леса звались Молодой Джон Мадд и Чейнс. Оба объявляли себя рыцарями, хотя таких рыцарей Арианна еще не встречала. Мадд с головы до ног одевался в коричневое, цвета собственной кожи, и носил золотые монеты вместо серег. Арианна помнила, что Мадды тысячу лет назад были королями Трезубца, но в этом ничего королевского не осталось, а Молодым он назывался, как видно, лишь потому, что отец его тоже служил в Золотых Мечах. Оружие его составляли меч и кинжал.

Чейнс был раза в полтора выше Мадда. Его широкую грудь пересекали крест-накрест ржавые цепи, и оружие ему тоже заменяла пятифутовая цепь, вдвое толще и тяжелее тех.

Их грубые манеры, простая речь, шрамы и обветренные лица говорили о долгой службе в вольных отрядах.

— Сержанты, — шепнул сир Дейемон. — Мне такие уже встречались.

Впрочем, они показали себя довольно гостеприимными, когда Арианна назвала свое имя и цель, с которой приехала.

— Ночуйте здесь, постели для всех найдутся, — предложил Мадд. — Утром вам дадут свежих лошадей и провизии на дорогу. Здешний мейстер пошлет воронов в Гриффин-Руст, чтобы известить о вашем приезде.

— Кого известить? Лорда Коннингтона?

— Полумейстера, — ответил Мадд, переглянувшись с Чейнсом. — Это его вы найдете в Русте.

— Грифон выступил в поход, — пояснил Чейнс.

— Куда же это? — спросил сир Дейемон.

— Не можем сказать. Прикуси язык, Чейнс.

— Так она ж дорнийка, — фыркнул тот. — Союзница наша, нет?

Это мы еще посмотрим, подумала Арианна, но расспрашивать дальше не стала.

В горнице Совиной башни им подали богатый ужин, к которому пришла вдовая леди Мертинс со своим мейстером — старушка бодрая и веселая, даром что оказалась пленницей в собственном замке.

— Мои сыновья и внуки ушли к лорду Ренли, когда он созвал знамена, — рассказывала она. — С тех пор я их не видала, только воронов присылают время от времени. Один внук был ранен на Черноводной, однако поправился. Жду не дожусь, когда они вернутся и перевешают этих воров. — Она показала утиной ножкой на Мадда и Чейнса.

— Мы не воры, мы фуражиры, — возразил Мадд.

— Припасы, что на дворе свалены, вы за деньги купили?

— Ничего, у мужичья еще вырастет, — добродушно ответил Мадд. — Мы служим истинному королю, старуха, — с рыцарями поучтивее быть надлежит.

— Если вы рыцари, то я невинная дева. Что хочу, то и говорю. Не по нраву, так убивайте, я свое отжила.

— Они хорошо обращаются с вами, миледи? — обеспокоилась Арианна.

— Силком, коли вы об этом, не взяли. На то у них служанки, кто помоложе. Замужние, незамужние, им разницы нет.

— Мы не насильники, — заспорил Мадд. — Коннингтон этого не потерпит, мы послушны его приказам.

— Но если девушка согласна, почему ж нет, — добавил Чейнс.

— Вот-вот. А крестьяне наши согласны отдать вам свой урожай. Дыни ли, девицы, вам все едино. Что хотите, то и берете. Увидите этого Коннингтона, принцесса — скажите, что я знавала его мать, и она бы его стыдилась.

Может, и скажу, подумала Арианна.

Ночью она послала отцу второго ворона.

На пути в свои покои она услышала в соседней комнате приглушенный смех и вошла. Элия Сэнд целовалась на подоконнике с Пернатым — хорошо еще, что оба были одеты. При виде принцессы он соскочил на пол и стал бормотать что-то. Она велела ему выйти вон и сказала:

— Он вдвое старше тебя и притом слуга, клетки мейстеру чистит. Что ты себе думаешь, Элия?

— Я же не замуж за него собралась, — с вызовом скрестив руки, сказала девушка. — Как будто я раньше с парнями не целовалась.

— То парни, а то взрослый мужчина. — Надо сказать, что принцесса в возрасте Элии уже отдала свою невинность Дейемону Сэнду. — Я тебе не мать. Вернемся в Дорн, целуйся с кем хочешь, но сейчас не время для

поцелуев. Ты поклялась костями отца, что будешь повиноваться мне — добавим к этому, что ты обязуешься блюсти целомудрие.

— Хорошо, — устыдилась Элия. — Не стану больше с ним целоваться.

Кратчайший путь до Гриффин-Руста пролегал через сырую чащу большого леса и занял у дорнийцев чуть ли не восемь дней. Ехали под несмолкающую музыку дождя, падающего на сплетенные вверху ветви, — вниз, как ни странно, не попадало почти ни капли. Первые четыре дня их сопровождал Чейнс со своим обозом и десятком людей. Без Мадда он стал куда разговорчивее и охотно рассказывал Арианне про свою жизнь. Его прапрадед, хвастался он, сражался за Черного Дракона на Красном Поле и ушел за Узкое море с Жгучим Клинком. Чейнс и родился в лагере, от наемника и отрядной девки. Он говорил на общем языке и считал себя вестеросцем, но в Семи Королевствах до сих пор не бывал.

История грустная и слишком знакомая. Жизнеописание Чейнса было сплошным перечнем чужих краев, врагов и полученных ран. Принцесса, всячески поощряя его говорить, узнала, что Мадд отменно играет в кости, Двухмечный любит рыжих баб, у Гарри Стрикленда любимого слона увели, Киска вместо амулета держит живого кота и так далее.

— Вот возьмем Штормовой Предел... — проговорился Чейнс на четвертый день.

Принцесса на это ничего не сказала, однако задумалась. Штормовой Предел... этот грифон либо очень храбр, либо глуп. Штормовой Предел, древняя твердыня штормовых королей, триста лет назад перешедшая к дому Баратеонов, многими почитается неприступным. Арианна часто слышала споры на этот предмет: одни полагали наисильнейшей крепостью Вестероса Бобровый Утес, другие — Орлиное Гнездо, третьи — северный Винтерфелл, но и Штормовой Предел непременно упоминался. Брандон Строитель, по преданию, воздвиг его с тем, чтобы замок мог выстоять против натиска мстительного бога. Его крепостные стены, от сорока до восьмидесяти футов

толщиной, самые высокие и прочные во всех Семи Королевствах. Мощная башня-барабан ниже староместской наполовину, но отвесная, а не ступенчатая, и стены у нее втрое толще, чем у Хайтауэров. Ни одна осадная вышка не достанет до верха укреплений Предела, ни один требушет и баллиста не проломают его стен. Неужто Коннингтон замышляет осаду? Сколько же у него человек в таком случае? Задолго до падения замка Ланнистеры пришлют войско и разгромят его наголову.

Сир Дейемон, когда Арианна передала ему слова Чейнса, был озадачен не меньше ее.

— Предел, насколько я слышал, все еще держат сторонники лорда Станниса. Коннингтону лучше объединиться с другим мятежником, нежели воевать с ним.

— Станнис слишком далеко, чтобы полагаться на его помощь. Захватить несколько мелких замков, чьи лорды и гарнизоны куда-то ушли, — дело нехитрое, но если лорд Коннингтон и его дракончик умудрятся занять одну из величайших крепостей государства...

— То государству придется отнестись к ним всерьез, — закончил Бастард из Дара Богов. — И те, кто не любит Ланнистеров, охотно перейдут под их знамя.

В ту ночь Пернатый отправил принцу Дорнийскому ворона с третьим посланием.

Молодой Джон Мадд, как видно, тоже посылал птиц. На исходе четвертого дня, когда Чейнс вместе с обозом уже ушел, дорнийцев встретила колонна наемников из Гриффин-Руста. Возглавляло ее самое диковинное существо, которое когда-либо видела Арианна, с накрашенными ногтями и дорогими камнями в ушах.

— Я имею честь быть глазами и ушами Золотых Мечей, принцесса, — сказало оно на хорошем общем языке, назвавшись Лиссоно Мааром.

— Вы, часом, не...

— Не женщина, нет, — засмеялся он.

— Я хотела спросить, не из Таргариенов ли вы. — Глаза у него были бледно-лиловые, волосы как серебристо-золотой водопад, и Арианну от него пробирало холодом. Быть может, и Визерис был таким же? Если так, то хорошо, что он умер.

— Весьма польщен. Говорят, что женщинам из дома Таргариенов нет равных.

— А мужчинам?

— Мужчины и того красивее — хотя я, по правде, видел лишь одного. — Маар поцеловал Арианне руку. — Туманный Лес оповестил нас о вашем прибытии, драгоценная принцесса. Позвольте сопровождать вас в Гриффин-Руст, но боюсь, что лорда Коннингтона с молодым принцем вы там не застанете.

— Ушли в поход?

— Точно так.

Лиссениец сильно отличался от Чейнса. Этот не проговорится, поняла Арианна, проведя всего несколько часов в его обществе. Маар в совершенстве владел искусством говорить много и ни о чем, а люди его молчали, будто немые.

Принцесса решила сыграть в открытую. Под вечер пятого дня, когда они разбили лагерь у разрушенной башни, поросшей мхом и плющом, она спросила Маара:

— Правда ли, что вы привезли с собою слонов?

— Да, нескольких, — с улыбкой ответил он.

— И драконов?

— Лишь одного.

— Мальчика, разумеете вы.

— Принц уже не мальчик, он взрослый мужчина.

— Что ж он, летает? Выдыхает огонь?

Маар рассмеялся, но лиловые глаза его остались холодными.

— Играете вы в кайвассу, милорд? Меня научил отец. Я, признаться, в ней не слишком искусна, однако знаю, что дракон сильнее слона.

— Отряд Золотых Мечей основал дракон.

— Жгучий Клинок был лишь наполовину драконом и к тому же бастардом. Я не мейстер, но в истории кое-что смыслю. И наемники есть наемники, кто бы ни был их первым вождем.

— Мы, с вашего позволения, предпочитаем называться вольным братством изгнанников.

— Как угодно. Отдаю вам должное: ваш вольный отряд стоит намного выше других, но в Вестеросе вас всегда побеждали. И при Жгучем Клинке, и при других командирах времен Черного Пламени, и при Мейелисе.

Маара это, кажется, позабавило.

— В настойчивости нам, по крайней мере, нельзя отказать. И многие из этих поражений могли бы обернуться победой.

— Многие, но не все — и убитым все равно, как погибать, при разгроме или накануне победы. Принц Доран, мой отец, мудр и ведет лишь те войны, которые может выиграть. Если вашему дракону будет грозить поражение, Золотые Мечи, несомненно, сбегут за Узкое море, как бывало уже не раз. Так поступил и сам лорд Коннингтон, когда Роберт победил его в Колокольной Битве. Нам, дорнийцам, бежать некуда — так стоит ли отдавать наши мечи и копья вашему неверному делу?

— Принц Эйегон ваш родич, принцесса. Он сын Рейегара Таргариена и Элии Дорнийской, которая приходилась вам теткой.

— Дейенерис Таргариен нам тоже родня: она дочь короля Эйериса и сестра Рейегара. И у нее, если слухи не лгут, есть драконы. Где она теперь?

— На заливе Работоторговцев, за полсвета отсюда, и мнимых этих драконов я не видал. В кайвассе дракон бьет слона, это верно, но на поле боя я предпочту настоящих слонов против сотканных из слухов драконов.

Арианна приумолкла и ночью послала к отцу четвертого ворона.

В холодный дождливый день из морских туманов наконец-то возник Гриффин-Руст. Трубач по знаку Маара подал сигнал, и перед путниками распахнулись ворота замка. Намокшее знамя над ними было красно-белым, в цветах дома Коннингтонов, но золотые знамена наемников тоже присутствовали. Колонна по двое в ряд пересекла горный кряж, известный как Грифонова Глотка; с трех других сторон об утесы разбивались волны залива Губительные Валы.

В замке принцессу встретили около десяти офицеров. Лиссоно Маар представлял их поочередно; каждый преклонял колено и целовал Арианне руку. Их имена влетали ей в одно ухо и вылетали в другое.

Главным у них был пожилой, худощавый, чисто выбритый человек со стянутыми в узел длинными волосами. Этот не воин, решила Арианна, и верно: лиссениец представил его как Хелдона Полумейстера.

— Комнаты для вас и ваших людей готовы, принцесса, — сказал он. — Надеюсь, они вас устроят. Я знаю, вы хотели видеть лорда Коннингтона, и он тоже очень желал бы увидеть вас. Завтра, будь на то ваша воля, вы сможете отплыть к нему морем.

— Куда именно?

— Разве вам не сказали? — Полумейстер почтил ее улыбкой, похожей на ножевую рану. — Штормовой Предел наш, там вас и ожидает десница.

— Губительные Валы и в летнюю погоду опасны, — заметил Дейемон Сэнд. — Не лучше ли ехать сушей?

— Сушей пришлось бы ехать дня два или три — дороги от дождей развезло, — а корабль доставит туда принцессу всего за полдня. Кроме того, из Королевской Гавани к Пределу движется войско: вам лучше укрыться в стенах крепости перед битвой.

Лучше ли? Как сказать.

— Речь о битве? Не об осаде? — Недоставало еще попасть в западню.

— О битве, — твердо ответил Хелдон. — Принц Эйегон намерен разбить своих врагов в поле.

Арианна переглянулась с сиром Дейемоном.

— Не проводите ли нас в комнаты? Мне хотелось бы освежиться и переодеться в сухое.

— Сей же час, — поклонился Хелдон.

Дорнийцев разместили в восточной башне, чьи узкие окна выходили на залив.

— Теперь мы знаем, что вашего брата нет в Штормовом Пределе, — сказал сир Дейемон, закрыв дверь, — а от драконов Дейенерис, если они и есть, нам никакого проку — очень уж они далеко. В Предел нам незачем ехать, принцесса. Если бы принц Доран хотел послать вас на битву, то дал бы вам триста рыцарей, а не трех.

Вы так думаете, сир? С братом в залив Работорговцев он отправил пять рыцарей и одного мастера.

— Мне нужно поговорить с Коннингтоном. — Арианна, расстегнув пряжку в виде пронзенного копьем солнца, сбросила на пол промокший плащ. — И посмотреть на его драконьего принца. Если он в самом деле сын Элии...

— Это все равно, чей он сын. Если Коннингтон сойдется в поле с Мейсом Тиреллом, он легко может стать пленником, а то и покойником.

— Не столь уж он грозен, Тирелл. Дядя Оберин...

— Вашего дяди больше нет, принцесса, а Золотых Мечей всего десять тысяч.

— Значит, лорд Коннингтон и с таким числом надеется на победу.

— Мало ли солдат полегло в боях, которые их полководцы надеялись выиграть. Я этим наемникам не доверяю, принцесса. Не ездите в Штормовой Предел.

Да, но позволят ли ей выбирать? Арианне казалось, что Полумейстер с Мааром все равно посадят ее на корабль, хочет она того или нет. Лучше уж не искушать их.

— Вы были оруженосцем у моего дяди, сир Дейемон. Вы и ему посоветовали бы не ехать туда? Не трудитесь отвечать, и так знаю. И что я не Красный Змей, тоже помню. Но принц Оберин ушел от нас, принц Доран стар и немощен, и наследница Дорна — я.

— Именно поэтому вы не должны рисковать собой. — Дейемон преклонил колено. — Пошлите в Предел меня. Если грифон потерпит крах и Тирелл вновь займет замок, то что я такое? Еще один безземельный рыцарь, примкнувший к самозванцу в чаянии славы и золота.

Он прав. Если в плен попадет Арианна, Железный Трон будет знать, что этого самозванца поддерживал сам принц Дорнийский.

— Спасибо за благородное предложение, сир, — Арианна протянула рыцарю руки, делая знак подняться, — но мой отец поручил переговоры мне, а не вам. Завтра с утра я отправлюсь сразиться с драконом в его же логове.